

О ФИЛОСОФЕ ЧУХИНОЙ И О ТОМ ВРЕМЕНИ, ИЛИ «КРУЖЕНИЕ В ПАРАДОКСАХ И АНТИТЕЗАХ»

С.Н. КОВАЛЬЧУК

На протяжении трех десятилетий в латвийской философской академической среде особенно выделялась Лариса Алексеевна Чухина (24.09.1913 – 23.03.2002) – выпускница Виленского (Вильнюсского) университета имени Стефана Батория и Ленинградского государственного университета, профессор-эмеритус, доктор философских наук, хабилитированный доктор философии Латвии (Dr. Habil. phil.), ведущий научный сотрудник Института философии и социологии Латвийского университета.

В ознаменование 100-летия со дня ее рождения в Риге была проведена конференция, доклады которой легли в основу коллективной монографии «Интеллектуальные идентичности и ценности. Философу Ларисе Чухиной – 100» («Intelektuālās identitātes un vērtības. Filosofoi Larisai Čuhinai – 100». – Rīga, 2014). Коллективная монография задумывалась с мыслью восстановить личную и научную биографию ученой, продемонстрировать глубинную связь философа Л.А. Чухиной с Львовско-Варшавской философской школой и русской (российской) философией. Статьи рижских друзей, младших коллег и молодых исследователей отразили лишь незначительную часть научных интересов Ларисы Алексеевны. Монография незримо восстановила былое тесное содружество сотрудников Института философии и социологии, Латвийского университета и Института философии РАН: из Москвы любезно прислали статьи докт. филос. наук Т.А. Кузьмина и канд. филос. наук М.Л. Хорьков.

Alma mater – Виленский университет

Лариса Чухина, урожденная Стовбуник (Stowbunik), родилась, по одним документам, неподалеку от Пружан, по другим – в Рязани¹. Родители служили учителями. С 1918 г. семья проживала в Польше, где Лариса Стовбуник получила гимназическое образование, в 1939 г. закончила Гуманитарный факультет Виленского университета имени Стефана Батория (Uniwersytet Stefana Batorego w Wilnie) и сделала первые научные шаги в качестве ассистента на философском отделении. Годы учебы Ларисы Алексеевны в университете пришлись на пору расцвета и международного признания Львовско-Варшавской философской школы и сказались на формировании ее как ученой. Поэтому представляется важным дать хотя бы краткую характеристику этой школы.

Известно, что знаковым событием для зарождения Львовско-Варшавской философской школы стала вступительная лекция молодого ученого Казимежа Твардовского (Kazimierz Twardowski; 1866–1938), прочитанная осенью 1895 г. в Галиции, в университете города Лемберга (Львов).

Доктор философии Твардовский получил образование в Венском университете, испытал глубокое влияние не только идей, но и личности профессора Франца Brentano (Franz Brentano) – философа, автора труда «Психология с эмпирической точки зрения», оказавшего огромное влияние на развитие идей феноменологии, аналитической философии и Львовско-Варшавской философской школы. Начало организационным процессам по созданию этой философской школы было положено во Львове в 1904 г. при создании Польского философского общества.

Будучи авторитетным лидером, проф. Твардовский не был тем единственным философом, который оказал влияние на становление научной школы, среди других явных лидеров, получивших блестящее образование в университетах Франции и Германии были Ян Лукасевич (Jan Łukasiewicz), Казимеж Айдукевич (Kazimierz Ajdukiewicz), Станислав Лесьневский (Stanisław Leśniewski), Владислав Татаркевич (Władysław Tatarkiewicz) и др. Выходцы из Львова начали интенсивно пропагандировать научные и дидактические идеалы Твардовского, и таким образом школа перестала быть львовской, а стала, что особенно важно, школой общепольской. Обычно употребляется название «Львовско-Варшавская школа», в котором добавление «Варшавская» объясняется тем, что наиболее выдающихся успехов школа Твардовского добилась в области математической логики, а эта последняя развивалась главным образом в Варшаве.

Итак, в школу входили специалисты по логике, этике, эстетике, искусствоведению, литературоведению, психологии, истории науки и даже богословию, которые подчас имели разные научные и философские устремления, политические позиции, религиозные взгляды. Действительно, то был пример высокого духовного единения людей интеллектуального труда, что позволило школе сыграть значительную роль в польской науке и культуре первой половины XX в., продвинуть польскую философию, логику и математику на видное место в мировой науке, создать прочную традицию, дух и образ философских поисков, исследований.

Что же обеспечило целостное восприятие школы как исторического феномена? Несомненно, для Львовско-Варшавской философской школы было характерно стремление придать философским рассуждениям ясность, доказательность и логическую строгость, поскольку ее участники разделяли убеждение в принципиальном родстве философского и научного способов мышления. Поэтому столь значителен и ценен вклад этой школы в философию языка, семиотику, логическую семантику, теорию множеств и неклассическую логику, науковедение, психологию, социологию, этику, эстетику и историю философии. Критерии, по которым можно судить о единстве философской школы, чаще всего ограничиваются географическим (и вместе с ним языковым и национальным), а также учительско-ученическими отношениями. В Львовско-Варшавской школе трудно найти общую проблематику и методологию, и совсем невозможно – единую философскую кон-

цепцию, которая могла бы объединить всех ее представителей. Хотя по этому поводу не существует единого мнения, все же представляется практически невозможным обнаружить в трудах представителей Львовско-Варшавской философской школы такую единую (а точнее, объединяющую) концепцию. Не будем углубляться в вопрос о том, можно ли говорить об этом единстве школы в смысле проблематики или парадигмы. На этот счет существуют самые противоположные мнения, и аргументации в пользу той или иной позиции, зависят от критериев и оснований, по которым его можно определить. До сих пор идут неутихающие споры по этому вопросу².

Проф. Твардовский не раз говорил: «Я никогда не уставал превозносить философию не только как королеву наук, но и как путеводную звезду человеческой жизни». Как неутомимый организатор образования, опытный и дальновидный педагог, профессор Твардовский тщательно разрабатывал основы системы философского образования³.

Львовско-Варшавская философская школа — одна из первых аналитических школ на европейском континенте — имела не только дату рождения, но и дату принудительного финала — политические события прекратили ее существование, радикально изменив судьбы тех, кто был к ней причастен.

Профессора университета

В семейном архиве Чухиных в Риге сохранилось много документов разных лет. Ценным свидетельством стала зачетная книжка студентки Ларисы Стовбуник за 1937–1939 гг. В ней записаны имена профессоров, составивших добрую славу Львовско-Варшавской философской школы. Ученики профессора К. Твардовского, благодаря занимаемому ими положению в обществе, распространяли идеи учителя в шести университетах межвоенной Польши, где им пришлось вести педагогическую деятельность.

Назовем имя проф. Тадеуша Чезовского (Tadeusz Czeżowski)⁴, которое не единожды вспоминала Лариса Алексеевна. В исследованиях по истории Львовско-Варшавской школы он упоминается в ряду основных ее представителей, но помнят профессора не только как ученого, но и как педагога, который много лет занимался трудной и важной работой — систематически развивал философское окружение, среду в университете Вильно. В его начальных научных исследованиях преобладали онтология и семантика, позже он занимался логикой и методологией, семиотикой, этикой. Чезовский был одним из тех, кто разрабатывал общую метаэтику, пытался детально систематизировать нормативную этику, им же были предприняты попытки формального построения этики. Кстати, профессор высоко ценил труды немецкого мыслителя Макса Шелера (Max Scheler), известного своими трудами по философской антропологии, аксиологии, социологии знания, но при

этом был его оппонентом. Точкой их соприкосновения, вероятно, была аксиология. Если у Чезовского идеи аксиологии восходили непосредственно к философии Ф. Brentano и его воззрениям на онтологию, то у Шелера аксиология опиралась на феноменологические идеи Э. Гуссерля (Edmund Husserl), кстати, ученика все того же Brentano. Думается, что именно проф. Чезовский на долгие десятилетия интеллектуально «заразил Шелером» студентку Ларису Стывбуник.

Имя профессора Богумила Ясиновского (Bogumił Jasinowski) наиболее часто встречается в зачетной книжке Ларисы. Профессор получил основательные знания в области права и философии в университетах Германии, России, Польши, а в Виленском университете заведовал кафедрой, читал лекции и проводил семинарские занятия по истории философии. Проф. Ясиновский настойчиво искал объяснение трагедии 1917 г., осмысливал феномен большевизма, а в 1933 г. выпустил работу «Восточное христианство и Россия»⁵. Книга носила явно тенденциозный, даже скандальный характер и вызвала немало откликов. Один из них принадлежал Николаю Лосскому и был опубликован в № 51 журнала «Путь» за 1936 г.

Разнообразные курсы по аксиологии, этике индивидуализма, философии поэзии вел Генрик Эльзенберг (Henryk Elzenberg). Он был выпускником Сорбонны, специалистом по французскому языку, истории философии, этике, эстетике, аксиологии. Как оказалось, ему повезло слушать лекции самого Анри Бергсона (Henri Bergson), а также антрополога и философа Люсьена Леви-Брюля (Lucien Lévy-Bruhl), он постигал античную философию у ее знатока Виктора Брокара (Victor Brochard). Профессор Эльзенберг был не только философом, но и поэтом, переводчиком, проникновенным знатоком философии Марка Аврелия. Быть может, именно проф. Эльзенберг привил студентке Ларисе Стывбуник утонченный вкус к поэтическому слову и любовь к философии стоицизма. Кстати, немалый вклад в поддержание у студентов интереса к античной философии и культуре внес блестящий филолог-классик, переводчик и театральный критик проф. Стефан Сребрений (Stefan Srebrny), увлекавший аудиторию лекциями по греческой философии, греческой хоральной лирике, поэзии Сапфо. Молодой проф. Богдан Завадский (Bohdan Zawadzki) читал разнообразные курсы и вел практические занятия по психологии.

Все профессора в Виленском университете не обучали «философии» в смысле какого-то готового мировоззрения. Они учили мыслить самостоятельно, четко формулировать вопросы и ответы, заботиться о как можно лучшем обосновании своих утверждений как с формальной, так и с лексической точек зрения и постоянно помнить, что эпистемологические ценности имеют также и моральное достоинство, а моральные — эпистемологическое. Под влиянием опытных наставников Лариса Стывбуник обрела уникальный багаж знаний, профессионализм, который на протяжении десятилетий научных неурядиц питал ее,

помогал в непростых жизненных условиях выживать интеллектуально и физически.

6 декабря 1937 г. на 215-м студенческом заседании научного собрания Виленского университета состоялось выступление студентки Ларисы Стовбуник «Любовь к дальнему как принцип этики Фридриха Ницше». В докладе была осмыслена известная антитеза между любовью к ближнему и любовью к дальнему. До Ницше, до его работы «Так говорил Заратустра» это противопоставление, пожалуй, никто не решался раскрыть столь явно и осознанно. Позже были и другие выступления, закрепившие за талантливой студенткой славу восходящей философской звезды. С октября 1938 г. Лариса Алексеевна начала работать ассистентом кафедры истории философии гуманитарного факультета. К 1 сентября 1939 г. она сдала магистерские экзамены и получила соответствующие документы. Ей предстояла поощрительная научная поездка во Францию, работа в Сорбонне, шлифовка окончательного текста магистерской диссертации.

1 сентября 1939 г. – дата начала Второй мировой войны – круто изменила и судьбу Польши, и судьбу начинающей ученой, перечеркнув все надежды и научные перспективы более чем на 25 лет. Пришло пронзительное ощущение беспомощности, бессилия, наконец, чувства вины, осознания себя без вины виноватой в изломе своей судьбы, в разрыве жизненной линии. В первые недели крутых исторических перемен еще можно было попытаться уехать из Вильно, покинуть пределы Польши. Но как долго еще могли быть открыты границы? Да и вынужденный акт выбора в высшей степени накалился. Выбор пролегал между Сорбонной и любимым мужем-философом (первый муж Ларисы Алексеевны, поляк, погиб), матерью, сестрой. Подобно трагическому герою Лариса «попала в вину». Как писал Макс Шелер, «моральная, или „виновная вина“, коренится в акте выбора; трагическая же или „безвиновая вина“ – уже в сфере выбора! Именно поэтому акт выбора, [предпринимаемого] трагическим героем, свободен от вины, в противоположность моральной вине, при которой в самой сфере выбора существуют объективные возможности свободы от вины, заключенной в акте выбора. И напротив, трагический герой становится „виновным“ в деянии, лишенным вины... Не смерть или другое зло, а „попадание в вину“ таит в себе трагическую судьбу героя»⁶.

Жизнь резко поделилась на *до* и на *после* 1 сентября 1939 г. Политическими событиями 1 сентября 1939 г. Львовско-Варшавской философской школе был нанесен непоправимый урон, в результате чего она распалась и более не возродилась после войны.

В декабре 1940 г. сократили должность ассистента в университете, пришлось уехать в родные края, которые стали именоваться Брестской областью. С марта 1941 г. Лариса Алексеевна работала учительницей немецкого языка в школе. Потом было лето 1941 г. и мучительно долгие годы войны, работа, причем по обе стороны линии фронта, вынуж-

денная и непростая для женщины работа преподавателя иностранных языков в военной школе, а с октября 1943 по декабрь 1946 г. — служба переводчицей в 11-й гвардейской армии.

Рига — Москва — Рига: научная карьера Л.А. Чухиной

В 1945 г. в Кенигсберге Лариса Алексеевна познакомилась со своим будущим вторым мужем — В.В. Чухиным (1912—1983), а в 1948 г. переехали в Ригу по месту инженерной работы супруга. Так магистрантка Виленского университета оказалась в Риге. Вскоре после рождения детей Лариса Алексеевна нашла работу корректора в газете «Советская Латвия». На исходе 1951 г. она получила предложение написать статью для журнала «Коммунист Советской Латвии». Ее первая публикация «Формальная логика и диалектика» была напечатана в № 17 за 1952 г., затем почти каждый год Лариса Алексеевна публиковала по одной статье в этом издании, но работать в области философии не представлялось возможности.

В 1962 г. уже почти в 50-летнем возрасте, по воле случая, удалось подать документы в Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова. «Случай — это Бог», — говорил Эпикур. В 1961 г. Лариса Алексеевна в очередной раз приехала в Москву в Министерство образования на прием к чиновнику по фамилии Францев. Невольным свидетелем их разговора стал Александр Александрович Зиновьев (1922—2006). Тогда еще не диссидент, еще не автор «Зияющих высот», а вполне успешный научный сотрудник Института философии АН СССР, профессор Московского государственного университета, признанный специалист в области логики и методологии науки. Александр Александрович вышел вслед за Ларисой Алексеевной из кабинета министерского чиновника и написал ей рекомендацию для поступления в университет. Случайная встреча изменила течение жизни.

Экзамены на заочном отделении сдавались один за другим — всего 56. Вместо шести лет Лариса Алексеевна проучилась два года. Летом 1964 г. документ о высшем образовании советского образца был наконец-то получен. Диплом был «красным», поскольку все оценки в нем были «5». Консультантом по дипломной работе по аксиологии Макса Шелера была доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Зоя Николаевна Мелешенко (1893—1975), написавшая по-человечески теплый отзыв о дипломнице Чухиной и ее работе. С тех лет учебы в Ленинградском университете у Ларисы Алексеевны сохранились добрые научные и человеческие отношения с тогда молодыми доцентами, вскоре профессорами, Марией Семеновной Козловой (1933—2011) и Михаилом Антоновичем Кисселем. Кафедра истории философии пригласила недавнюю студентку написать работу для коллективной монографии «Проблема ценностей в философии», в которой в 1966 г. увидела свет статья Ларисы Чухиной «Феноменологическая аксиология Макса Шелера».

По прошествии трех лет после получения университетского диплома в Ленинградском университете состоялась защита кандидатской диссертации Л.А. Чухиной «Критика феноменологической аксиологии Макса Шелера». Защита проходила на столь высоком научном уровне, что ведущий специалист по онтологии и аксиологии профессор Василий Петрович Тугаринов (1898–1978) высказал почти «крамольное» предложение — написать письмо в Высшую Аттестационную Комиссию с просьбой присвоить Ларисе Чухиной докторскую степень, минуя кандидатскую.

Научная карьера Л.А. Чухиной началась в феврале 1966 г. с приходом на работу в сектор философии Института истории АН ЛССР и продолжалась чуть более 30 лет. С января 1981 г. Лариса Алексеевна перешла в новый Институт философии и права, который возглавил академик Валентин Августович Штейнберг (1918–2011) — талантливый организатор науки, некогда ректор Латвийского государственного университета, создатель и директор Института философии и права АН ЛССР (ныне — Институт философии и социологии Латвийского университета).

Что помимо научных поисков, публикаций в журнале «Вопросы философии», в сборниках Ленинградского университета, в «Известиях АН ЛССР», в изданиях Общества «Знание» и семейных хлопот привлекало Ларису Алексеевну, занимало, навевало воспоминания, чему она отдавала предпочтение? С особым воодушевлением вспоминала она путешествия: нестерпимо томительно-жаркое солнце Средней Азии, огромные пахучие дыни и устремленные в небесную высь минареты Самарканда. Лариса Алексеевна пленилась белоснежными вершинами Кавказа и пейзажами Грузии, Осетии, глადью Черного моря. И еще она всегда следила за литературными новинками в «толстых» литературных журналах, часто посещала книжные магазины и кафе в Старой Риге, в которых можно было уютно устроиться и поболтать.

Чисто женским предпочтением были оттенки лилового в одежде и в украшениях — то был ее «фирменный» цвет. На левой руке Лариса Алексеевна неизменно носила большой серебряный перстень с темным янтарем — «философский перстень», как она его именовала. Он был получен в конце 1960-х гг. в подарок из Польши от философа Владислава Татаркевича (1886–1980). Профессор представлял блистательную плеяду мыслителей Львовско-Варшавской философской школы, в 1919–1921 гг. он занимал кафедру философии во вновь открытом университете в Вильно. Он стал признанным специалистом по этике и истории философии, многолетним редактором журнала «Przegląd filozoficzny» (Философское обозрение), наконец, автором широко известной книги «О счастье и совершенстве человека». Лариса Алексеевна знала, высоко ценила и использовала в работе его философские труды.

Как для крупнейшего русского мыслителя XX столетия А.Ф. Лосева (1893–1988) история античной эстетики стала прибежищем от гнетущей марксистско-ленинской философии, так и для Чухиной таким прибе-

жищем стала история философии (античная, западная, латышская), этические учения, аксиология, религиозная антропология. Свободно владея древними и современными европейскими языками, Лариса Алексеевна использовала в работе исключительно первоисточники. Круг любимых ею авторов был не малый: Аврелий Августин, Фома Аквинский, Блез Паскаль, Иммануил Кант, Серен Кьеркегор, Федор Достоевский, Карл Барт, Эмманюэль Мунье, Жак Маритен, Мартин Бубер, Карл Ясперс, Габриэль Марсель, Карл Ранер и Екаб Осис, Гарлиб Меркель, Иоганн Безеке. Над текстами Лариса Алексеевна работала с упоением! На много дней зарывалась в своей берлоге, как она называла свой письменный стол, книжную полку и диван, стоявшие в длинной узкой комнате шириной чуть более размера окна. Статьи приходилось облекать в нужное идеологическое «оперение» из цитат классиков марксизма-ленинизма.

У каждого своя осень жизни. В свою осень Лариса Алексеевна вошла, начиная с обучения в Ленинградском университете, и продолжила многочисленными публикациями, участием в конференциях. В 1980 г. вышла монография Л. Чухиной «Человек и его ценностный мир в религиозной философии». Вынесенная в заголовок книги проблема — это вечная философская проблема, которая никогда не оттесняется на задний план, поскольку имеет большое идейно-мировоззренческое и практическое значение. Для Ларисы Алексеевны «вечность» проблемы человека означала то, «что процесс познания человека и мира бесконечен и никогда не станет завершенным, что эта проблема обновляется с ходом истории. Таким образом, это древняя, но всегда новая проблема, поскольку постоянно изменяется как сам человек, так и совокупность условий и содержание его жизни, его цели, идеалы и перспективы. Вечно новой эта проблема является и в том смысле, что в каждую эпоху она сохраняет свое фундаментальное значение, входя в содержание всех значительных философских систем. [Это] означает не просто продолжение определенной традиции, но прежде всего — выявление меняющихся с каждой эпохой аспектов и исторических перспектив человеческого бытия»⁷. Углубляясь в учения о человеке, решавшие, как она подчеркивала, жизнесмысловые вопросы, Лариса Алексеевна создала галерею «портретных» философско-антропологических зарисовок. «Антиномический стиль мышления, кружение в парадоксах и антитезах», заданные в эпоху раннего христианства трудами великого мыслителя Аврелия Августина, были присущи почти всем рассмотренным в монографии авторам. Лариса Алексеевна была глубоко убеждена, что «религиозные мыслители, отображая кризис человека, претерпевающего крах, предупреждают о возможности катастрофических ситуаций в развитии человека, если он окончательно оторвется от экзистенциальных сверхъестественных начал своего бытия и, оставаясь бездуховным, погрузится в эмпирию “земного порядка”, в результате чего и будет поработен созданными им

научно-техническими структурами»⁸. Переиздание монографии «Человек и его ценностный мир в религиозной философии», дополненное и доработанное, было осуществлено в 1991 г. Тираж был раскуплен в рижских магазинах в считанные дни!

В журнале «Вопросы философии», в № 3 за 1983 г. доктор философских наук Тамара Андреевна Кузьмина опубликовала отзыв на книгу Чухиной, который начинался со слов о том, что научный труд Л.А. Чухиной, написанный в форме «портретных зарисовок» является «практически первым в советской историко-философской литературе исследованием, где представлена широкая панорама философско-религиозной мысли». Рецензент продолжала: «Уже простой перечень имен, о которых идет речь в работе, — Августин, Фома, Паскаль, Кьеркегор, Шелер, Марсель, Мунье, Ясперс, Барт, Ранер — свидетельствует о широте и значительности авторской задачи. Выбраны действительно ключевые фигуры религиозной философии, сыгравшие определяющую роль в становлении и утверждении тех парадигм мышления, которые задавали рамки и направление исследования многих проблем, одинаково актуальных и вечных как для теологической, так и для светской философской мысли». Своей работой Чухина ввела в научный оборот много нового материала, поскольку сумела свежо, по-новому подать те философские концепции, которые уже анализировались ранее в философской литературе. Ею был сделан акцент на проблеме человека и его ценностных ориентациях. Научную оценку монографии Чухиной Т.А. Кузьмина завершила словами: «Если исследование специфики современного этапа буржуазной философии уже представлено у нас значительными работами, то в области анализа специфики современной религиозной философии дела обстоят хуже. И надо сказать, что данная работа — одна из немногих, восполняющая этот пробел»⁹.

Когда Ларисе Алексеевне шел 72-й год, в ноябре 1984 г. в Институте философии в Москве состоялась блестящая защита ее докторской диссертации «Проблема человека в религиозной философии». В те дни Лариса Алексеевна была окружена Борисом Тиграновичем Григорьяном (1928–1995) и коллегами из сектора Истории западноевропейской философии ИФ АН СССР, давно ее знавшими и ценившими. Оппонентами диссертации стали доктора философских наук Нелли Васильевна Мотрошилова, Искра Степановна Андреева и Василий Васильевич Соколов.

Высокое признание в Москве принесло Ларисе Алексеевне огромное удовлетворение и стимул для научного творчества. Словно наверстывая упущенные десятилетия, преодолевая серьезные болезни зрения, Лариса Алексеевна участвовала в конференциях, активно писала, публиковалась в рижских, московских изданиях. Своими историко-философскими текстами она учила тех, кто жаждал быть ею наученным. Текстами, отличавшимися продуманностью и архитектурной стройностью, выделе-

нием «смысловых ядер» и выразительных деталей, ясностью и строгостью изложения. Текстами драматически напряженными, написанными прекрасным русским языком — сочным, емким, изящным, метафоричным.

Все годы работы в Институте Лариса Алексеевна оставалась неформальным интеллектуальным лидером. Она никогда не обходила вниманием молодежь: ценила талант, уважала трудолюбие и, поскольку была взыскательна и строга к себе, желала видеть такие же качества и у молодых коллег. Так, с начала 1982 г. в Институте начал проводиться семинар «Специфика философского знания», в котором принимали участие молодые научные сотрудники. Знания Чухиной в области античной философии не могли использоваться в Риге в Институте философии и права, поскольку эта проблематика не была приоритетной, но в рамках этого проекта философ Чухина принимала активное участие, выступала в нем и в роли докладчика, и в роли научного консультанта. В 1987 г. в Риге прошла Всесоюзная конференция «Античная философия: специфические черты и современное значение», в которой наряду с Л.А. Чухиной и молодыми латышскими философами приняли участие московские антиковеды, переводчики Д.В. Джохадзе, Р.К. Луканин, А.А. Столяров. По результатам конференции вышел небольшой сборник статей на русском языке, а в 1990 г. в издательстве «Авотс» увидела свет книга «Domas par antiko filozofiju» (Мысли об античной философии). В статьях на русском и латышском языках Л.А. Чухина писала о «Специфике философского знания в учении стоиков», подчеркивая, что особенность «стоицизма состоит в том, что здесь акцентировалась ведущая роль этики (включающей и антропологическую проблематику) как главенствующего идейно-мировоззренческого звена, несущего в себе цель и смысл философствования. Учить людей добродетели и мудрости, обретению разумного миропонимания и разумных правил поведения, содействовать выработке должной и достойной человека жизненной позиции — в этом стоики видели сущность своей философии». Стоицизм оставил значительный след в истории философской мысли, «входя в морально-философскую культуру последующих эпох своими специфическими нравственно-мировоззренческими напластованиями, именуемыми стоическим этосом». Исторической заслугой стоиков было введение «в этику категории долга и выдвижение шкалы аксиологического предпочтения, лейтмотивом которой провозглашался приоритет духовных ценностей над благами внешнего мира, — таковы итоговые выводы Л. Чухиной¹⁰.

На протяжении 1980-х гг. Институт философии и права не единожды проводил в Риге всесоюзные философские конференции, на которые съезжались коллеги из Москвы, Вильнюса, Минска, Волгограда. Итогами таких конференций стали сборники статей «Проблемы онтологии в современной буржуазной философии» (Рига, 1988), «Феноменология в современном мире» (Рига, 1991), в которых опубликованы статьи Л.А. Чухиной, Н.В. Мотрошиловой, Т.А. Кузьминой, А.-Т. Тыменецкой

(Anna-Teresa Tymieniecka), А.И. Пигалева, В.И. Молчанова, М.Х. Кулэ, М.А. Рубене, Э.А. Буценице, В.В. Калининченко, А.С. Свердиолоса, Т.А. Клименковой и многих других.

1980-е гг. стали юбилейными для книг Иммануила Канта, написанных в так называемый критический период: «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788), «Критика способности суждения» (1790), которые были изданы в Риге. В ознаменование 200-летия этих событий в Риге с 1981 по 1990 гг. проходили международные и всесоюзные конференции, было издано несколько книг. Сборник статей, посвященный «Критике практического разума», был назван «Этика Канта и современность» (Рига, 1989). Открывала этот уникальный сборник развернутая статья Ларисы Чухиной «Проблема человека в философии Иммануила Канта». С первых строк статьи философ Чухина оценила Канта как подлинного новатора в области философского человековедения, поскольку кенигсбергский мыслитель открыл «невиданные ранее горизонты философского видения этой проблемы». Чухина убедительно показала и доказала, что «кантовское учение о человеке и человечестве, заряженное мощным гуманистическим идейно-теоретическим потенциалом, по сей день сохраняет свою немеркнущую значительность, содержательность и актуальность»¹¹. Единомысленниками Чухиной в оценке Канта стали признанные философы М.А. Киссель, Т.А. Кузьмина, П.П. Гайденко, Э.Ю. Соловьев, Ю.М. Бородай и М.К. Мамардашвили.

Философские идеи Макса Шелера всегда привлекали Ларису Алексеевну, ее знание всех тонкостей философских идей немецкого мыслителя ни у кого не вызывало сомнений. Научные статьи Чухиной о Шелере выходили в Ленинграде, Москве, Риге и в Ганновере (США) в «*Analecta Husserliana: The Yearbook of Phenomenological Research* (Аналекта Гуссерлиана – Ежегодник Феноменологических Исследований), выходившем под редакцией Анны-Терезы Тыменецки. В начале 1990-х гг. московские философы предложили Ларисе Алексеевне написать большой текст о Шелере для сборника его избранных произведений. «Человек и его ценностный мир в феноменологической философии Макса Шелера» – так называлось послесловие Чухиной в сборнике переводов «Шелер М. Избранные произведения», который увидел свет в Москве в издательстве «Гнозис» в 1994 г.

В начале 1990-х гг. состоялось значительное для Ларисы Алексеевны интеллектуальное событие: благодаря русской редакции издательства «Zvaigzne ABC» началась работа над новой книгой «Человек в религиозной философии» (1996). Предложение рижского издательства стало своего рода интеллектуальным вызовом для Чухиной, поскольку в стенах Института философии и права Ларисе Алексеевне не представлялось случая тематически разрабатывать русскую религиозную философию. Впрочем, было одно исключение – Федор Достоевский, о котором она писала не раз. Встреча – увы, запоздалая – с необъ-

ятым миром русской философии захватила ее. За короткий срок были написаны главы, посвященные В. Соловьеву, П. Флоренскому, Н. Бердяеву, С. Булгакову, С. Франку. Эта монография стала последней монографией ученой.

Ларисы Алексеевны не стало 23 марта 2002 г. Будучи русской и православной, Лариса Алексеевна никогда не была воцерковлена, оставалась светским человеком. Перед уходом в мир иной, в который не находила в себе силы верить, она тяжело болела, часто не узнавала гостей, но когда по утрам приходила верная подруга О.Т. Вилните, сознание ее вдруг прояснялось, подруги говорили о философии, Лариса Алексеевна читала по памяти на немецком Р.М. Рильке, особенно часто «Herbst»:

Всё листья падают издалека,
Как будто в небесах сады увяли;
Летят, противясь, падают в печали.
И в одиночество из звездной дали
Летит в ночи Земля во все века.
И мы, как листья, падаем в закат.
Взгляни: всё падает, рука поникла...
И только Он, единственный, великий,
Паденье держит в ласковых руках.

(Перевод Риммы Батищевой)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Vilnīte O. Larisa Čuhina // Reliģiski-filozofiski raksti. – Rīga, 2005. X. sēj. 118.–125. lpp.; Kovaļčuka S. Ievērojamai filozofei simtgadē // LZA Vēstis. 2013. № 6. 27.–31. lpp.; Ковальчук С. Русские философы в Латвии: К столетию со дня рождения Ларисы Чухиной // Русский мир и Латвия. Альманах. – Рига: Seminarium Hortus Humanitatis. 2014. № XXXV. С. 9–18.*

² Разнообразные точки зрения представляют публикации: *Васюков В.Л. Метапарадигма Львовско-Варшавской философской школы // Исследования аналитического наследия Львовско-Варшавской философской школы. Вып. 1 / отв. ред. В.Л. Васюков. – СПб.: Мирь, 2006. С. 11–18; Jadacki J.J. Semiotyka szkoły Lwowsko-Warszawskiej: główne pojęcia // Polska filozofia analityczna. Analiza logiczna i semiotyczna w szkole Lwowsko-Warszawskiej // Praca zbiorowa / pod red. M. Hempolińskiego. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo, 1987. S. 131–138.*

³ См. более подробно: *Twardowski K. O potrzebach filozofii polskiej. Rozprawy i artykuły filozoficzne. Zebrali i wydali uczniowie. Lwów: Książnica-Atlas, 1927. S. 159.*

⁴ В 1907 г. Т. Чежовский поступил на факультет философии в университете Львова, изучал философию у проф. Твардовского. При этом усиленно изучал математику и физику. В 1914 г. Т. Чежовский защитил диссертацию по теории классов. После 1945 г. он преподавал в университете города Торунь и сумел опубликовать: трактат «О гуманитарных науках» (1946),

учебник «Основные принципы философских наук» (1946), «Философские лекции» (1946) и книги «О метафизике, ее направлениях и проблемах» (1948), «Философия на распутье» (1965). В перечисленных работах и статьях, помимо продолжения исследований по логике, методологии и теории науки, содержатся также его результаты в области метафизики, аксиологии и этики.

⁵ См.: *Jasinowski B.* Wschodnie Chrzestijanstwo a Rosja. Na tle rozbioru pierwiastków cywilizacyjnych Wschodu i Zachodu. – Wilno, 1933.

⁶ *Шелер М.* О феномене трагического / пер. Л.А. Чухиной // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. – Рига, 1988. С. 316, 317.

⁷ *Чухина Л.А.* Человек и его ценностный мир в религиозной философии. 2-е изд., перераб. и доп. – Рига, 1991. С. 3.

⁸ Там же. С. 14.

⁹ *Кузьмина Т.А.* Л.А. Чухина. Человек и его ценностный мир в религиозной философии. Критический очерк. – Рига: Зинатне, 1980 // Вопросы Философии. 1983. № 3. С. 160, 163.

¹⁰ *Чухина Л.А.* Специфика философского знания в учении стоиков // Античная философия: специфические черты и современное значение. Материалы научной конференции по античной философии. – Рига, 1988. С. 50, 51.

¹¹ *Чухина Л.А.* Проблема человека в философии Иммануила Канта // Этика Канта и современность. – Рига, 1989. С. 11.

REFERENCES

Chukhina L.A. Man and his world of values in religious philosophy. Riga, 1991 (in Russian).

Chukhina L.A. The problem of man in philosophy of Immanuel Kant. In: Kantian ethics and Modernity. Riga, 1989 (in Russian).

Chukhina L.A. The specificity of philosophical knowledge in the teaching of the Stoics. In: Ancient philosophy: specific features and contemporary significance. Proceedings of the conference on the ancient philosophy. Riga, 1989 (in Russian).

Jadacki J.J. Semiotyka szkoły Lwowsko-Warszawskiej: główne pojęcia. Polska filozofia analityczna. Analiza logiczna i semiotyczna w szkole Lwowsko-Warszawskiej. In: Praca zbiorowa. M. Hempoliński (ed.). Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo, 1987. S. 131-138 (in Polish).

Jasinowski B. Wschodnie Chrzestijanstwo a Rosja. Na tle rozbioru pierwiastków cywilizacyjnych Wschodu i Zachodu. Wilno, 1933.

Kovalchuk S. Russian philosophers in Latvia: the centenary of the birth of Larissa Chukhina. In: Russian world and Latvia. Almanac. Riga, Seminarium Hortus Humanitatis. 2014. No XXXV, pp. 9-18 (in Russian).

Kovaļčuka S. Ievērojamai filozofei simtgadē. In: LZA Vēstis. 2013. No 6, pp. 27-31. (in Latvian).

Kuzmina T.A. L.A. Chukhina. Man and his world of values in religious philosophy. In: Voprosy Filosofii. 1983. No 3 (in Russian).

Scheler M. About the phenomenon of the tragic. Russian trans. by L.A. Chukhina. In: Problems of ontology in contemporary philosophy. Riga, 1988 (in Russian).

Twardowski K. O potrzebach filozofii polskiej. Rozprawy i artykuły filozoficzne. Zebrał i wydali uczniowie. Lwów, Książnica–Atlas, 1927 (in Polish).

Vilnīte O. Larisa Čuhina. In: Reliģiski-filozofiski raksti. Rīga, 2005. X. sēj. 118-125. (in Latvian).

Аннотация

Статья посвящена памяти хабилитированного доктора философии Л.А. Чухиной. Биография восстановлена на основе частных архивов, воспоминаний автора. В статье дана оценка вклада ученой в философское наследие Латвии и России. История философии, аксиология, религиозно-философская антропология были предметами ее научных исследований. Л.А. Чухина одна из первых в СССР начала исследовать философское наследие Макса Шеллера. Она – автор монографий «Человек и его ценностный мир в религиозной философии» (Рига, 1980, 1991), «Человек в религиозной философии» (Рига, 1996), а также многочисленных статей.

Ключевые слова: Чухина, Львовско-Варшавская философская школа, советская философия, философия Латвии.

Summary

The article is dedicated to the memory of habilitated doctor of philosophy Larisa Chuhina. Biography restored on the basis of private archives, recollections of the author. The article assesses the scientific contributions to the philosophical heritage of Latvia and Russia. L. Chuhina was the most knowledgeable interpreter of Western philosophy of her generation. The themes of her scholarly interests included history of philosophy, axiology and the religious-philosophical anthropology. Chuhina was one of the first to explore the philosophical legacy of Max Scheler in USSR. She had published monographs „Human Being and the World of Values. Critical Assessments” (Riga, 1980, 1991), and „Human Being in Religious Philosophy” (Riga, 1996), as well as a great number of scholarly articles.

Keywords: Larisa Chuhina, Lvov-Warsaw philosophical school, Soviet philosophy, Latvian philosophy.